

Платон

Законы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Платон

Законы / Платон – М.: Книга по Требованию, 2011. – 44 с.

ISBN 978-5-458-04247-5

В настоящее издание входит произведение позднейшего периода творчества Платона: "Законы", в которых продолжается (начатая в "Государстве") тема социальной утопии. Весь текст заново отредактирован.
Для читателей, интересующихся историей философии.

ISBN 978-5-458-04247-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Платон
Законы

Платон
Законы
(Книги 1-12)
Книга 1

Афинянин. Бог или кто из людей, чужеземцы, был виновником вашего законодательства? Клиний. Бог, чужеземец, бог, говоря по правде. Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну... Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Если же на войне, во имя безопасности, следует иметь общий стол и надо, чтобы стражами были какие-то начальники и их подчиненные, люди организованные, то именно так надо поступать и в мирное время. Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. ...Так как никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю... Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый - сам с собой. [...] И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и лучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. [...] О том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой и в высшей степени справедливо заслуживает похвалы за эту победу; в противном же случае происходит противоположное. Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гоняться за словами, утверждая, что всякий дом и всякая семья , где дурные люди одерживают верх, должна считаться побежденной самой собой, в противном же случае - победившей. Не правда ли, всякий стал бы устанавливать законы ради наилучшей цели? [...] А ведь самое лучшее - это не война, не междуусобия: не дай бог, если в них возникнет нужда; мир же - это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно как если бы кто стал считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страждет и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояния тела, когда оно в этом совсем не нуждается. По-моему, истинно и справедливо утверждать, беседуя о божественном государстве, что устроитель, устраивая в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом самую ничтожную, но всю добро-

детель в целом; сообразно с ее видами он и исследовал законы, а не так, как это делают нынешние законодатели, исследующие произвольно установленные виды. Ведь теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него в данное время нужда: один - законы о наследствах и дочерях-наследницах, другой - об оскорблении действиями, третий - что-либо иное подобное, и так до бесконечности. Есть два рода благ: одни - человеческие, другие - божественные. Человеческие зависят от божественных. Если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех и других. Меньшие блага - это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте - сила... на четвертом - богатство... Первое же и главенствующее из божественных благ - это разумение; второе - сопутствующее разуму здравое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо - справедливость; четвертое благо - мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Ведь у вас... в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами; иные же утверждения вовсе не следуют допускать. [...] Клиний. Ведь нет ничего бесчестного в познании плохого; наоборот, случается, что это служит к исцелению, если принимается благосклонно и без зависти. Афинянин. ...Гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам и поныне; однако в смысле междуусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи. К тому же, вероятно, эти учреждения извратили существующий не только у людей, но даже и у животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимназии. ...Наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнужденных в удовольствиях. Когда люди исследуют законы, почти все рассмотрение вращается вокруг удовольствий и страданий как в государственной жизни, так и в частной. Природа предоставила течь этим двум потокам. Когда из них черпают как надо, когда надо и сколько надо, то счастливы одинаково и государство, и частные лица, и всякое живое

существо, но когда это делают невежественно, да к тому же и не вовремя, тогда людям на долю выпадает иная жизнь. Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться не выясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в битвах, точно они служат ясным, а не сомнительным показателем обычай хороших и плохих. Воспитание ведет к победе, победа же иной раз - к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков. Самым важным в обучении мы признаем надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства. В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием... то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим согласно справедливости подчиняться или же властвовать. [...] Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущества или какое-нибудь другое искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это имя. Не признаем ли мы, что каждый из нас - это единое целое? [...] Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание. [...] К ним присоединяются еще мнения относительно будущего, общее имя которым "надежда". В частности, ожидание скорби называется страхом, ожидание удовольствия - отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона. Я спрашиваю следующее: не делает ли питье вина более сильными удовольствия, страдания, гнев, любовь? [...] А наши ощущения, память, мнения, мысли? Становятся ли они точно также сильнее, или же человек, предаваясь чрезмерному пьянству, совершенно лишается их? [...] Не правда ли, такой человек возвращается к состоянию души, какое ему было свойственно в младенчестве? [...] И тогда он всего менее может собой владеть? Итак, если окажется, что вино по своей пользе ничуть не хуже телесных упражнений, то у него будет перед ними еще и то преимущество, что они вначале сопряжены с болью, оно же нет. А кто хочет достичь совершенства в мужестве, не должен ли бороться с присущей ему трусостью и не должен ли ее победить? Ведь тот, кто не упражнялся и неопытен в подобной борьбе - все равно, кто бы он ни был, - не станет по отношению к добродетели и наполовину тем, кем он должен был бы стать. Кто же может стать вполне рассудительным, - тот ли, кто

борется со множеством удовольствий и вожделений, увлекающих к бесстыдным, несправедливым поступкам, и побеждает их разумом, действием и искусством как во время развлечений, так и в серьезных делах, или же тот, кто вовсе не подвержен всему этому? Кто верит самому себе, что он и природой и своими заботами хорошо подготовлен, тот ничуть не побоится упражняться на виду, вместе со многими сотрапезниками. Он поступит правильно, потому что преодолеет и победит и победит силе неизбежного действия напитка; ни в чем важном он не будет поколеблен непристойностью и вследствие своей добродетели ни в чем не изменится. [97] Вот все, что нас делает такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, еще: богатство, красота, сила и все пьянящее наслаждением и делающее нас безрассудными. Можем ли мы назвать какое-нибудь другое удовольствие, кроме испытания вином и развлечениями, более приспособленное к тому, чтобы сперва только взять пробу, дешевую и безвредную, всех этих состояний, а уж затем в них упражняться? Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из которой рождаются тысячи несправедливостей: путем ли личных с ней общений, причем нам будет грозить опасность, или же путем наблюдений на празднестве Дионисий? ...Это весьма удобный способ испытать друг друга. [...] Распознавание же природы и свойств душ было бы одним из самых полезных средств для того искусства, которое о них печется. А мы, я полагаю, признаем, что это относится к искусству государственного правления. Не так ли?

Книга 2

Афинянин. Я утверждаю, что первые детские ощущения - это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и появляются в душе добродетель и порок. Что же касается разумения и прочих истинных мнений, то счастлив тот, в ком они появляются хотя бы в старости. Ту же часть добродетели, которая касается удовольствия и страдания, которая надлежащим образом приучает ненавидеть от начала до конца то, что следует ненавидеть, и любить то, что следует любить, - ... можно... назвать воспитанием. Итак, верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому боги из сострадания к человеческому роду... установили божественные празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах с помощью богов. [...] Те же самые боги... дали нам чувство гармонии и ритма, сопря-

женное с удовольствием. При помощи этого чувства они движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы объединяемся в песнях и плясках. [...] Не согласимся ли мы... что первоначальное воспитание совершается через Аполлона и Муз? Ввиду того что все относящееся к искусству - это воспроизведение поведения людей, их разнообразных поступков и обычаяев при всяких обстоятельствах, так что путем подражания воспроизводятся все черты этого поведения, то естественно, что им радуются, их хвалят и признают прекрасными, конечно, те люди, с природой или привычками которых... согласуются как хороводные слова и напевы, так и сами хороводы. Не приносит ли это некоторого вреда тому, кто радуется безобразным телодвижениям и песням? Напротив, не получают ли некоторой пользы те, кто находит удовольствие в противоположном? [...] Только ли вероятно или же необходимо должно случиться с таким человеком то же самое, что бывает с теми, кто постоянно общается с испорченными и злыми людьми? Он не отталкивает их, а, наоборот, радуется им, они ему приятны; если же он их порицает, то только в шутку, точно его собственная никчемность лишь сон. В этом случае радующийся неизбежно уподобляется тем, кому он радуется, хотя он и стыдится их хвалить. ...В государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. ...Мерило мусического искусства - удовольствие. Однако прекраснейшей я признаю ту Музу, что доставляет наслаждение не первым встречным, но людям наилучшим, получившим достаточно хорошее воспитание, в особенности ту Музу, которая доставляет его человеку, выделяющемуся своей добродетелью и воспитанием. ...Воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным и в действительной правильности которого убедились у тому же на опыте люди самые почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону и людям, ему послушным, и чтобы ребенок следовал в своих радостях и скорбях тому же самому, что и старик, и появились песни. Мы их так называем; на самом же деле это заклинания, зачаровывающие душу; они имеют серьезную цель - достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых людей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых, ведь людям больным и слабым телом ухаживающие за ними стараются подносить полезную пищу в сладких блюдах или напитках... Будь я законодатель, я попытался бы принудить поэтов и вообще всех в

государстве именно так; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мнение, будто существуют какие-то люди, жизнь которых приятна, хотя они и дурны, и будто полезным и выгодным является одно, а справедливым - другое. ...Кого следует называть более счастливыми - тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Итак, учение, не отделяющее приятное от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания. То, на что смотрят издалека, причиняет, так сказать, головокружение всем, а особенно детям. Законодатель же, по-моему, разогнав эту дымку, должен создать у других ясное мнение. ...Законодатель, хоть сколько-нибудь полезный, дерзнул бы, как и в иных случаях, употребить ложь по отношению к молодым людям ради их же блага. А разве смог бы он найти ложь более полезную, чем эта, для того, чтобы заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо? Каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина, - словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям. Достигшие сорока лет могут пировать... Ведь Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и потому делается более гибким. Разве мы не сказали, что в этом случае души пьющих людей охватываются огнем и, точно раскаленное железо, становятся мягче, моложе, а вследствие этого и податливее в руках того, кто может и умеет воспитывать их и лепить, словно дули молодых людей? Таким лепщиком является то же самое лицо, что и раньше: это - хороший законодатель. [...] Стражами, содействующими этим законам, должны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть начальниками над нетрезвыми. [...] Не правда ли, если бы опьянение и забавы были таковы, то пирующие получали бы от них пользу и расходились бы с них не врагами, но еще большими друзьями, чем были прежде. [...] Не станем же безусловно порицать дар Диониса и говорить, будто он плох или недостоин быть принят в государство. Можно было бы сказать даже больше, однако

я не решусь указывать большинству на величайшее благо, даруемое вином, ведь эти люди так превратно понимают и разумеют слова. По крайней мере, насколько я знаю, ни одно живое существо не рождается на свет, обладая всем тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых летах. Пока это живое существо не приобрело еще свойственной ему разумности, оно неистовствует и кричит что-то несвязное, а как встанет на ноги, начинает без толку скакать. Припомним же наше утверждение, что в этом-то и кроется начало музыкального и гимнастического искусств.

Книга 3

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве не самими ее носителями? Цари ли дали такие законы или кто другой, но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств. [...] То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего в случае его неповиновения установленным законам. [...] Однако большинство требует от законодателей, чтоб они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа. Это вроде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания для поручаемого им попечению тела. Однако многое из того, о чем молит для себя ребенок, отец просит богов отвратить, - чтоб никогда не исполнилось по молитвам сына. [...] Мегилл. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и стремиться не к тому, чтобы все следовало нашей воле, но скорее, чтобы воля следовала за нашим разумением, так что и государству, и каждому из нас должно молиться и хлопотать о том, чтобы обладать умом. Афинянин. Да, я помню и хочу напомнить вам, что законодатель, человек государственный, должен устанавливать распорядок законов, имея в виду всегда именно это. [...] Я утверждаю, что для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами и если уж ему следует молиться, то скорее о том, что противоположно его желаниям. ...Причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность другого рода, в особенности же неведение величайших человеческих дел. Часть души, испытывающая скорбь и удовольствие, все равно что народное большинство в государстве. Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуется правителям и законам. Так пусть же это будет у нас так постановлено и выражено:

невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать, ни плавать не умеют; как людям разумным им надо поручать управление. В самом деле, друзья мои, без лада может ли родиться хоть какой-то вид разумности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом; а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот. ... Я думаю, должен править сильный, а слабый ему подчиняться. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар. Но главнейшим требованием является, по-видимому... чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью. Впрочем, о мудрейший Пиндар, по моему мнению, это, пожалуй, и не противоречит природе... Если, забыв меру, слишком малому придают что-либо слишком большое: судам паруса, телам - пищу, а душам - власть, то все идет вверх дном; исполнившись дерзости, одни впадают в болезни, другие - в несправедливость, это порождение высокомерия. Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, не может по своей природе, если она молода и безответственна, вынести величайшей среди людей власти; разум ее преисполняется тяжелейшим недугом неразумия, и она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это вскоре губит ее и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерность, могут этого остересться. Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй. [...] Персы более, чем должно, полюбили монархическое начало, афиняне свободу; вот почему ни у тех, ни у других нет умеренности. Итак, мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно оценивать честь и бесчестье. Но самое ценное по праву - это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наи-